

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С. Б. БЕРНШТЕЙН

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ЛЯПУНОВ

15 лет назад, 22 февраля 1943 г., скончался известный русский славист академик Борис Михайлович Ляпунов. С его именем связан длительный период истории славянского языкознания в нашей стране.

Б. М. Ляпунов родился 25 июля 1862 г. в селе Болобонове Курмышского уезда Самбирской губернии в культурной дворянской семье. Семья Ляпуновых была тесно связана родственными узами с Сеченовыми, Крыловыми, Зайцевыми и Филатовыми. Михаил Васильевич Ляпунов, отец Б. М. Ляпунова, был известный в свое время астроном. Старший сын в семье, Александр Михайлович Ляпунов, впоследствии профессор Харьковского университета и академик, обогатил русскую и мировую науку выдающимися исследованиями в области математики и механики. Сергей Михайлович Ляпунов — известный русский композитор, пианист, профессор Петербургской консерватории, близкий друг и последователь Балакирева.

Детские годы Бориса Михайловича Ляпунова прошли в деревне. В 1873 г. он поступил в нижегородскую гимназию. Старшие классы проходил в пятой московской гимназии, которую закончил в 1881 г. Еще в гимназии Б. М. Ляпунов проявил специальный интерес к языкам. С большой любовью он изучал классические языки, старославянский язык, новые языки, читал лингвистическую литературу. Уже тогда он решил пойти на историко-филологический факультет, так как хотел посвятить свою жизнь славистике. В этом известную роль сыграли события общественной жизни того времени. Русско-турецкая война 1877—1878 годов и последующие за ней события пробудили среди русской молодежи большой интерес к славянам, славянской культуре, славянским языкам.

В 1881 г. Б. М. Ляпунов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где с первого же курса работал под руководством акад. И. В. Ягича. После смерти акад. И. И. Срезневского в 1880 г. Ягич был избран его преемником и с 1881 г. начал чтение лекций в университете. Ягич обратил внимание на даровитого юношу. Он стал следить за его занятиями, давал советы и различного рода указания. Под руководством Ягича Ляпунов изучал старославянские тексты, старославянский язык, сравнительную грамматику славянских языков, историю русского языка, польский и сербский языки, а также литовский язык. Ягич был первым лингвистом Петербургского университета, который знакомил студентов с младограмматическим направлением, в связи с чем его лекции имели большое методологическое значение. В 1884 г. Ягич предложил Ляпунову медальную тему о языке Синодального списка I

Новгородской летописи. Молодой ученый работал над ней два года. Сочинение получило положительный отзыв Ягича, указавшего, однако, и на ряд упущений. За это сочинение Ляпунову присудили серебряную медаль.

В 1885 г. Б. М. Ляпунов успешно закончил университет и был оставлен Ягичем для подготовки к профессорскому званию. Однако резкое ухудшение здоровья вынуждает Ляпунова уехать на юг. Он переезжает в Харьков и здесь в новой обстановке, среди новых людей продолжает свое лингвистическое образование. Он посещает лекции А. А. Потебни, М. С. Дринова и ряда других ученых. Б. М. Ляпунов часто причислял себя к ученикам Потебни. Однако подлинным учеником харьковского ученого он не стал. Слишком кратким было их общение, так как уже в конце 1887 г. Ляпунов переехал в Москву. Здесь он встречается с Ф. Ф. Фортунатовым, под влиянием которого окончательно сформировался его научный метод. Сам Ляпунов всегда причислял себя к московской лингвистической школе. Он имел для этого все основания. И дело не только в том, что он усердно посещал лекции Фортунатова, был желанным гостем на его знаменитых четвергах, но прежде всего в том, что он глубоко усвоил все главнейшие принципы школы Фортунатова и последовательно проводил их в своих исследованиях. Эти принципы он определял следующим образом: «... Существенным в нем (в направлении Фортунатова. — С. Б.) нужно признать стремление фонетические явления новых наречий объяснять из фонетических вариантов уже праязыка, который искони уже несомненно дробился на говоры, а не представлял идеального единства, возможного лишь в языке одного человека; к этому присоединить необходимо, как существенное свойство его метода, также детальное исследование всех условий возникновения каждого фонетического явления»¹. Действительно, стремление ученых школы Фортунатова открыть современные диалектные различия уже в праязыке очень характерно и для большинства работ Ляпунова. В этом важном пункте Ляпунов существенным образом разошелся со своим первым учителем Ягичем, который не разделял данного тезиса московской лингвистической школы. В Москве Б. М. Ляпунов принимает участие в работе над большим болгарским словарем А. Л. Дювернуа (этот словарь вследствие преждевременной смерти Дювернуа остался незаконченным).

Через некоторое время слабое здоровье вновь вынуждает Ляпунова прервать занятия. Он снова переезжает в Харьков, где к 1896 г. сдает у проф. М. С. Дринова магистерские экзамены, а в 1897 г. утверждается приват-доцентом Харьковского университета. В 1899 году Ляпунов завершает свою капитально переработанную студенческую медальную работу «Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи», за которую ему присваивается степень магистра славянской филологии. Вскоре он получает приглашение занять место экстраординарного профессора Новороссийского университета и в 1901 году переезжает в Одессу, где работает до 1924 г.

Одесский период в жизни Б. М. Ляпунова наиболее содержательный и продуктивный. Здесь он пишет много исследований по различным вопросам сравнительной грамматики славянских языков, истории праславянского языка, этимологии и др. В университете он читает лекции по всему циклу дисциплин, входящих в область славянского языкознания. Это — введение в славянскую филологию, сравнительная грамматика

¹ Б. Л я п у н о в, [Рец. на кн.:] А. Шахматов, Исследования в области русской фонетики, — Зап. Им. Харьк. ун-та, т. 4, 1894, стр. 6.

славянских языков, старославянский язык, история русского языка, курсы по отдельным славянским языкам. Лишь одна область лингвистического знания никогда не привлекала его внимания — это область грамматики современных славянских литературных языков. Но в этом отношении Ляпунов не составлял в то время исключения.

В 1923 г. Борис Михайлович избирается действительным членом Академии наук и в 1924 г. переезжает в Ленинград. Здесь он принимает участие в работе различных институтов и комиссий и преподает в университете славянское языкознание.

Таковы основные факты небогатой внешними событиями жизни Ляпунова. Он мало путешествовал, редко выезжал за границу. Однако труды его были хорошо известны за границей (главным образом в славянских странах). Несколько его исследований было опубликовано в различных научных изданиях Чехословакии, Болгарии и других стран. В 1930 г. он был избран действительным членом Польской Академии наук, в 1932 г. — членом-корреспондентом Болгарской Академии наук, в 1934 г. — членом-корреспондентом Чешской Академии наук. Б. М. Ляпунов состоял также членом многих научных обществ.

*

На первый взгляд очень трудно охарактеризовать основные научные интересы Б. М. Ляпунова. При ознакомлении со списком его печатных работ создается впечатление, что он разбрасывался, интересовался многими различными и почти не связанными между собой проблемами славянского языкознания, легко переходил от одной темы к другой. Между прочим именно так и характеризует его научную деятельность акад. С. П. Обнорский. «Широта научных интересов Б. М. Ляпунова, — писал С. П. Обнорский, — несколько затрудняет характеристику научных его работ. Трудно установить определенную стержневую линию его научного творчества: оно направлялось у него по многим линиям. Отдавая дань изучению всех славянских языков, Б. М. Ляпунов преимущественное внимание все же уделял исследованию, с одной стороны, старославянского языка, а с другой стороны, и главным образом изучению русского языка — истории русского языка, русской диалектологии¹. Эта характеристика научной деятельности Ляпунова представляется нам глубоко ошибочной, во-первых, потому, что в его исследованиях была «определенная стержневая линия» и, во-вторых, потому, что ни старославянский язык, ни история и диалектология русского языка не находились на этой линии. Этому как будто противоречит то обстоятельство, что магистерская диссертация Ляпунова была посвящена языку русской летописи, что у него имеется ряд статей по истории русского языка и диалектологии, что в списке его работ значится монография «Формы склонения в старославянском языке». Но это противоречие кажущееся. Начнем с основного труда Ляпунова — «Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи».

В центре внимания исследователя здесь стоят гласные *ъ* и *ь*, которые, вслед за Фортунатовым, Ляпунов называет иррациональными. Почти одновременно выходит из печати магистерская диссертация другого ученика Фортунатова — В. Н. Щепкина — «Рассуждение о языке Саввиной книги», в которой также тщательно изучается употребление сверхкратких гласных *ъ* и *ь* в этом старославянском тексте.

Между диссертациями Щепкина и Ляпунова, несмотря на общность

¹ С. П. Обнорский, Памяти академика Б. М. Ляпунова, ИАН ОЛЯ, 1944, вып. 5, стр. 230.

основных методологических принципов, легко обнаружить весьма существенные различия. В «Рассуждении о языке Саввиной книги» Щепкин выступает как историк болгарского языка. Для него Саввина книга — ценнейший памятник болгарского языка, отражающий состояние народных говоров XI в. Отсюда большое внимание к другим старославянским текстам, к данным болгарской диалектологии, которыми ученый пользуется очень умело. Аналогичный характер носит и докторская диссертация Щепкина «Болонская псалтырь», в которой исследуются фонетика и морфология ценного среднеболгарского памятника.

Совсем иной характер носит исследование Ляпунова. Автора прежде всего и главным образом интересует общая теория славянских сверхкратких гласных, их этимология в различных морфемах, праславянские диалектные варианты. В своем отдельно изданном «Положении к диссертации» Борис Михайлович в первом пункте пишет: «Исследование звуков древнего языка на основании письменных памятников необходимо должно носить этимологический характер». Действительно, *ѣ* и *ь* детально изучаются им в этимологическом плане с широким привлечением данных различных славянских языков. Перед нами серьезный труд в области сравнительной грамматики славянских языков.

Историк русского языка, интересующийся историей гласных *ѣ* и *ь* в древнерусских диалектах, не взял бы предметом своего исследования памятник XIII—XIV вв., так как к этому времени не только исчезли эти гласные, но и в основном завершились те процессы, которые были вызваны утратой сверхкратких гласных. Не случайно, что своим трудом Ляпунов не способствовал решению того спора об употреблении *ѣ* и *ь* в древнерусском языке, который возник в связи с работами Шахматова и Соболевского. Совершенно закономерно, что и в настоящее время историка древнерусских *ѣ* и *ь* не интересует труд Ляпунова¹.

Данный аспект исследования языка одного древнерусского памятника не мог, естественно, удовлетворить историков русского языка, у которых труд Б. М. Ляпунова нашел весьма сдержанную оценку. Недостаточное внимание к другим древнерусским текстам, к данным русской диалектологии, понятное в какой-то степени в плане задач, поставленных Ляпуновым, привело, однако, к тому, что для изучения истории сверхкратких гласных в древнерусских говорах его исследование дало мало. На это, между прочим, обратил внимание Соболевский, не сумевший, однако, объективно оценить значение диссертации Ляпунова для славянского языкознания вообще.

Аналогичный характер носят и многочисленные статьи Бориса Михайловича по частным вопросам истории и диалектологии русского языка. В них перед нами обычно выступает историк не русского языка, а праславянского, который лишь использует для решения своих задач русский языковой материал. Это очень ярко проявляется даже в его рецензиях. Так, в своих «Заметках о книге С. М. Кульбакина „Украинский язык“» Б. М. Ляпунов трактует главным образом вопросы взаимоотношений праславянских диалектов, ряд вопросов праславянской фонетики. Весьма примечательно, что сам же С. П. Обнорский в своей статье «Итоги научного изучения русского языка»² проходит мимо работ Ляпунова,

¹ См., например, работу В. Н. Сидорова «Редуцированные гласные *ѣ* и *ь* в древнерусском языке XI в.» («Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. II, М., 1953).

² С. П. Обнорский, Итоги научного изучения русского языка, в кн. «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры», т. III, кн. 1 («Уч. зап. [МГУ]», вып. 106), М., 1946.

даже работ по этимологии русского языка; не упоминается и диссертация о языке летописи.

Вторым заметным трудом в научном наследии Б. М. Ляпунова является работа «Формы склонения в старославянском языке», свидетельствующая о живом интересе автора к проблемам морфологии. Эта работа получила широкую известность среди славистов и вызвала появление ряда новых исследований, посвященных генезису славянских падежных флексий. И в данной работе речь идет не о формах склонения в старославянском языке, а о генезисе форм склонения в праславянском языке. Вообще специальных исследований собственно старославянского языка у Ляпунова нет. Он касался попутно лишь некоторых частных проблем старославянского языка и письменности.

Аналогичное положение наблюдаем и при оценке большинства других работ. Например, небольшая статья «Несколько замечаний о словенско-немецком словаре Плетершника» — не рецензия на лексикографический труд словенского ученого, а специальное исследование по праславянской акцентологии с широким привлечением данных словаря. И в рецензии на магистерскую диссертацию С. М. Кульбакина «К истории и диалектологии польского языка» Ляпунова интересует отнюдь не история польского языка, а опять-таки проблемы праславянского. В рецензии речь идет о звуковом значении праславянского *ě*, носовых, передвижении ударения и др.

Итак, основные научные интересы Ляпунова были связаны с праславянскими сюжетами. Его интересовали вопросы истории праславянского языка, формирование его диалектов, взаимоотношение праславянских диалектов в различные периоды, эпоха распада праславянского языка и процесс формирования отдельных славянских групп. Все эти проблемы он решал главным образом на основе фонетических данных. Из области морфологии его специально интересовали падежные флексии, отчасти местоимения. Близки были Ляпунову и некоторые разделы словообразования в связи с его постоянным интересом к этимологии.

Для современной науки наибольший интерес представляют труды Б. М. Ляпунова, в которых он рассматривает проблемы взаимоотношения между праславянскими диалектами. Многие из его мыслей получили признание лишь теперь в связи с развитием лингвистической географии, в результате пристального внимания ученых не только к дивергентным, но и к конвергентным этническим и языковым процессам периода распада праславянского единства и формирования отдельных славянских групп.

В отличие от большинства своих современников, в том числе и примыкавших вместе с ним к школе Фортунатова, Б. М. Ляпунов постоянно во многих своих работах решительно выступал против учения о членении праславянского языка на праязыки отдельных ветвей, из которых якобы затем выделились современные славянские языки. «Я предпочитаю говорить, — писал Ляпунов, — не о различных ветвях, выделившихся из единого праславянского языка, а об объединенных рядом фонетических и морфологических признаков „языковых областях“, примыкая в этом отношении ко взглядам проф. Бодуэна де Куртенэ, причем отдельные общие признаки диалектических областей могут совпадать с отдельными общими или частными признаками других, различаясь в подробностях исторического развития»¹.

¹ Б. Л я п у н о в, Заметки о книге С. М. Кульбакина «Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии» (Харьков, 1919), «Slavia», годн. III, seš. 4, 1925, стр. 685.

Б. М. Ляпунов не признавал очень распространенную в свое время теорию западнославянского праязыка, выступал и против теории южнославянского праязыка¹. Различия внутри южнославянских языков, как справедливо полагал Ляпунов, сформировались еще на почве праславянского. К древнейшим различиям внутри южнославянских языков Борис Михайлович относил совпадение в западной группе гласных *ѣ* и *ѡ* в одной артикуляции (ср. серб. *сѣн*, *дѣн*, словенск. *sánja*, *dân*) и различие этих гласных в восточной группе (ср. ст.-слав. *дѣнь*, *сѣнь*, болг. *сѣн*, *ден*), различия в области слоговых плавных, носовых гласных, гласных *ы*, *ѣ*, судьбы *tj*, *dj*, эпентетического *l* и др. Не все доказательства Б. М. Ляпунова в настоящее время могут быть нами приняты. Однако совершенно бесспорной является основная мысль о том, что между праславянским языком и отдельными южнославянскими языками не существовало промежуточной эпохи праюжнославянского языка. Дialectы праславянского языка, из которых позднее сформировались современные южнославянские языки, существенно различались рядом важнейших признаков как в области звукового, так и грамматического строя. Позже на Балканах произошло некоторое сближение этих языков, сформировались переходные говоры.

Иначе развивались восточнославянские языки. Здесь можно говорить об едином прарусском диалекте, к которому восходят современные русский, украинский и белорусский языки. «Можно сказать, что по XI столетие существовал единый общерусский праязык с незначительными диалектическими вариациями»². Однако попытку Ляпунова охарактеризовать «диалектические вариации» нельзя считать вполне удачной. Так, спорным является его утверждение о том, что в южных говорах до XI в. уже не было взрывного *g*. «Весьма возможно также, — говорит Ляпунов, — что изменение взрывного *g* (*g*) в гортанный фриктивный *h* вынесено диалектами прарусского языка еще из эпохи диалектического разнообразия языка праславянского; во всяком случае существование фриктивного произношения при употреблении в X веке южнорусскими славянами даже древнеболгарского языка давно уже отмечено акад. Шахматовым на основании слова *прах* у Константина Багрянородного»³.

Как показал в свое время А. М. Селищев, в распоряжении историка русского языка нет вполне убедительных фактов, на основе которых можно было бы уверенно говорить о переходе взрывного *g* в *h* (*γ*) в южнорусских диалектах в дописьменный период⁴. Что же касается слова *прах*, то оно никак не подтверждает изменение *g* в *h* (*γ*) в древнерусском языке уже в X в., так как «здесь *χ* не находится вместо *γ* — *g* (*g*)». Это сочетание, — пишет Селищев, — не восходит к **porgъ*, а представляет замену **porchъ* из **porsъ* — «пыль» в значении «брызги», «водопад». То же значение представляет и русско-скандинавское соответствие *-fors* (из **porsъ*). Не случайно *-прах* употреблен только в тех сочетаниях, которые находятся при скандинавских образованиях с *-fors*, следуя за этими образованиями⁵.

Цоканье, на которое обращает внимание Б. М. Ляпунов, конечно, рано стало характеризовать некоторые северные говоры, но оно возникло на финском субстрате. Само по себе цоканье никак внутренне не связано

¹ Б. М. Ляпунов, Родственные связи словенцев с сербами и хорватами, «Южнословенски филолог», IV, Београд, 1924.

² Б. М. Ляпунов, Единство русского языка в его парениях. (Пособие к лекциям по истории русского языка), Одесса, 1919, стр. 5.

³ Б. М. Ляпунов, Заметки о книге С. М. Кульбакина..., стр. 691.

⁴ А. Селищев, Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, «Slavia», год VII, се 1, 1928.

⁵ А. Селищев, [Рец. на кн.:] Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М., 1924, 276 стр., — ИОРЯС, т. XXXII, Л., 1927, стр. 312.

с другими особенностями северных говоров. Оно возникало там, где русская речь усваивалась населением, говорящим на одном из финно-угорских языков.

Следует обратить внимание на то, что почти все различия между восточнославянскими языками в той или иной степени сформировались после утраты сверхкратких *ъ* и *ь*, т. е. после XI—XII вв. Увереннее можно говорить о некоторых морфологических отличиях древнерусских говоров. К ним можно, например, отнести различие в формах 1-го лица мн. числа глаголов *-тъ* и *-то*. Украинское окончание *-то* — праславянского происхождения. Конечно, между древнерусскими говорами уже в самые ранние эпохи существовали лексические различия, общие слова имели различия в значениях. Однако при современном уровне наших знаний мы не можем конкретно охарактеризовать эти различия.

Б. М. Ляпунов не принимал учения Шахматова об особой близости восточных и южных славянских языков, которое в какой-то степени восходит к дуалистической теории Добровского. Он считал, что у нас нет никаких убедительных доказательств существования единого праязыка, из которого позже выделились южные и восточные славянские языки. «Если отнестись внимательно к истории звуков и форм русского языка сравнительно с историей других славянских языков, мне кажется, — писал Ляпунов, — мы могли бы отыскать и другие черты, более роднящие славянский восток со славянским западом, чем со славянским югом, например сохранявшееся и сохраняющееся в русском и польском языках, правда, еще соблюдаемое в ряде глаголических памятников языка старославянского, но совершенно в глубокой уже древности утраченное южнославянскими, в особенности же их сербско-словенской отрасли, различие праславянских сочетаний **tǫrt*, **tǫlt*, **tǫrt*, **tǫlt*, от сочетаний **trbt*, **lbt*, **trbt*, **lbt*, усиленная лабиализация, общая с польским, кашубским, лужицким языками (ср. польск. и прарусск. *żona*, русск. и словинско-кашубск. *vołk*, прарусск. и прапольск. **nōstъ*, откуда польск. *niósł*, т. е. *nustł*, великорусск. *nos*, прамалорусск. и сев.-малорусск. *nūos*, украинск. *nis*, т. е. *nis*), причем нельзя не отметить, что есть особенности прарусского языка, объединяющие его только с некоторыми западнославянскими и некоторыми южнославянскими языками: таково сохранение лабиализма в произношении наследника праславянского *ъ*, откуда в сильном положении *о* в лужицком, словацком и болгарском (ср. *о* из *ъ* в ряде древнеболгарских глаголических памятников)¹.

Б. М. Ляпунов обращает внимание на формы твор. падежа ед. числа основ на *-о*, на местоимение *toбѣ*, *soбѣ* — *teбѣ*, *seбѣ*², на широкое развитие в восточных и западных славянских языках слабых глагольных корней (т. е. с корневыми гласными в стадии редукции; ср. русск. *жгу*, чешск. *žhu*, польск. *zge*, но сербскохорв. *жѣжѣм*), на так называемый носовой *ѣ* и другие черты, которые объединяют восточные и западные славянские языки. И в области лексики и семантики можно обнаружить глубокие связи между восточнославянскими и западнославянскими языками. Борис Михайлович указывает на ст.-слав. *мѣхънѣ*, *мѣхъа*, которые означали «шум», «смятение», «шуметь», «хлопотать» (греч. *θόρυβος*, *θόρυβεισθαί*). Эти значения развились из более ранних «бормо-

¹ Б. Л я п у н о в, Памяти академика А. А. Шахматова, ИОРЯС, т. XXIX, 1925, стр. 72.

² Ляпунов полагал, что местоимения *toбѣ*, *soбѣ* в прошлом характеризовали все восточнославянские диалекты. Позже в некоторых диалектах под влиянием соседнего слога корневое *о* изменилось в *е* (ср. аналогичный процесс в *теперь* из *топерь*, *ребенок* из *робенок*). В русском литературном языке эта тенденция была поддержана старославянским влиянием.

тать», «жужжать». В языках восточных и западных представлено значение «речь», «говор людей», «говорить».

Иллюстрируя различными примерами тесные связи между восточно-славянскими и западнославянскими языками, Б. М. Ляпунов не стремился доказать в противовес Шахматову, что существовал восточно-западно-славянский праязык, а не юго-восточный. Как мы видели выше, Борис Михайлович не признавал вообще даже западнославянского и южнославянского праязыков. Он учил, что после распада праславянского языка отдельные его диалекты переживали сложную судьбу, вступая в различные исторические периоды во взаимоотношения то с одними родственными диалектами, то с другими. Это привело к тому, что различные языковые черты по-разному объединяют славянские языки. Задача исследователя состоит в том, чтобы установить хронологию этих черт, а не тратить время на искусственное восстановление промежуточных праязыков. Вот почему Б. М. Ляпунов обращал большое внимание не на географическое распространение языков, диалектов, говоров и не на их взаимоотношения, а на географическое распространение «отдельных фонетических, морфологических и лексических особенностей»¹. Б. М. Ляпунов был одним из первых славистов, который попытался в какой-то степени применить некоторые положения лингвистической географии к изучению поздних эпох праславянского языка. Для современного славянского языкознания именно эти его работы имеют наибольшее значение.

Борис Михайлович не раз упрекал современных ему языковедов за то, что они смело, но без достаточных к тому оснований решают этногенетические проблемы. Только на основе данных языка нельзя восстанавливать историю праславян, их передвижение, взаимоотношения между различными племенами и др. При изучении данных вопросов языковеды недостаточно учитывают то обстоятельство, что носителями родственных языков могут быть неродственные племена и народы. Современный языковед «не может верить в то, что очевидное родство между собой славянских языков непременно свидетельствует об исконном родстве носителей их — славянских народов, и, напротив, нередко убеждается в том, что представители разных антропологических племен принимают при известных обстоятельствах тот или другой славянский язык, и наоборот — считавшиеся славянами принимают чужой государственный язык»².

В своих исследованиях Б. М. Ляпунов затрагивал многие кардинальные вопросы праславянской фонетики. Здесь в большинстве случаев он был последовательным учеником Фортунатова. Вслед за своим учителем он стремился элементы современных диалектных различий возвести к праславянской эпохе; он был верен учению Фортунатова о дифтонгическом характере праславянского *ě*, принимал полностью его теорию сонантов, наконец, воспринял всю терминологию Фортунатова. В течение всей своей научной деятельности он интересовался вопросами славянской акцентологии, однако значительных достижений здесь у Ляпунова нет. Разделял Борис Михайлович и учение А. И. Томсона о дифтонгическом характере праславянского *ы* (*y*).

Из специальных исследований Б. М. Ляпунова по словообразованию надо особо выделить очень содержательный этюд «Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка *из-*». Автор устанавливает соотношение приставок *iz-* и *vy-* в праславянском языке, детально выясняет их историю в русском языке, в котором она была за-

¹ Б. Л я п у н о в, Добровский и восточнославянские языки, в кн. «Josef Dobrovský. 1753—1829. Sborník statí.», Praha, 1929, стр. 137

² Там же, стр. 129.

темнена старославянским влиянием. К сожалению, славянское языкознание небогато исследованиями подобного характера.

В научном наследии Ляпунова некоторое место занимают исследования по славянской этимологии. Здесь в первую очередь нужно упомянуть статьи «Этимологические исследования в области древнерусского языка», «Semasiologisch-etymologische Skizzen aus dem Gebiete der ostslavischen Sprachen», а также обширную рецензию на этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского.

Среди работ Ляпунова имеются исследования, посвященные истории отдельных славянских языков. Укажу статью «Несколько замечаний о языке и в особенности о словаре болгарского сборника 1348 года».

Много различных наблюдений над языком рукописей, над говорами славянских языков содержат отзывы и рецензии Ляпунова. Некоторые из них представляют собой небольшие исследования (например, отзыв на диссертацию Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке»).

В течение всей своей жизни Борис Михайлович проявлял глубокий интерес к истории науки. Уже в начале своей научной деятельности он опубликовал ценный очерк о Ватрославе Облаке. Последней работой Ляпунова, написанной им за две недели до смерти, была статья о научной деятельности А. М. Селищева (к сожалению, она не опубликована). Статьи о И. Добровском, И. В. Ягиче, А. А. Кочубинском, А. А. Шахматове, В. Вондраке, П. А. Лаврове, Я. Лосе и многих других ученых содержат много важных и весьма нужных сведений по истории нашей науки, по истории разработки отдельных научных проблем.

Б. М. Ляпунов был человеком редких душевных качеств. Каждый, кто имел счастье лично общаться с ученым, сохраняет в своей памяти много светлых воспоминаний о замечательном русском слависте.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Б. М. ЛЯПУНОВА¹

1886

1. βλ'αςιος — *Волость*. — AfslPh, IX, 1886, стр. 315—316.

1887

2. Zur russischen Dialektenkunde. — AfslPh, X, 1887, стр. 349—351.

1889

3. Статьи от *па до нуЖ* и предлог *по*. — В «Словаре болгарского языка» А. Дювернуа, т. II, М., 1889.

¹ №№ 1—43 взяты из «Списка научных трудов и статей проф. Б. М. Ляпунова», сост. П. А. Бузуком («Уч. зап. Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманит.-обществ. наук», т. II, посв. проф. Борису Михайловичу Ляпунову по случаю тридцатилетия его преподавательской деятельности, 1922, стр. V—VIII). Условные сокращения: AASF — «Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ»; AfslPh — «Archiv für slavische Philologie»; ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»; ЖС — «Живая старина»; ИАН ОЛЯ — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка»; ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР»; ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук»; ЈФ — «Јужнословенски филолог»; RÉS — «Revue des études slaves»; РФВ — «Русский филологический вестник»; Сб. ОРЯС — «Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук».